

Предлагаемая публикация представляет исследование историка Александра Михайловича Раевского «Великая пролетарская революция и борьба Ростовских крестьян за землю (1917 г.)», написанное им в период работы в Ростовском музее (1935-1937 гг.). Она была обнаружена нами в следственном деле Раевского от 1937 г. в виде машинописи¹.

Обратимся к краткой характеристике данной работы. Она состоит из четырех частей, каждая из которых посвящена соответствующим этапам крестьянского движения в Ростовском уезде со времени освобождения крестьян в 1861 г. до Октябрьской революции 1917 г. Автор затрагивает вопросы, связанные с земельными конфликтами крестьян и помещиков во второй половине XIX – начале XX вв. и участием крестьян в переустройстве земельной собственности после Февральской революции 1917 г. Основой работы послужил широкий круг опубликованных и архивных источников. Среди них – сведения, помещавшиеся на страницах ярославской губернской печати XIX – начала XX вв.: «Ярославских губернских ведомостей», «Голоса», «Ростовского вестника», «Известий губернского временного исполнительного комитета», «Труда и борьбы», историко-статистических описаний Ярославской губернии в целом и Ростовского уезда в частности. Неопубликованные документы представлены материалами Ростовского уездного земельного комитета, «Журналов» заседаний Ростовского уездного совета крестьянских депутатов, «Историко-революционного фонда», которые находились в архивах г. Иванова, г. Ростова и Ростовского музея. Работа была написана в 30-е гг. XX в. – время жестких идеологических установок, поэтому в ней присутствуют не только ссылки на цитаты В.И. Ленина и И.В. Сталина, но и подчас категоричные высказывания в отношении ряда дореволюционных и послереволюционных авторов и общественных деятелей (П.А. Столыпина, А.А. Титова, С.П. Моравского и других). Тем не менее, в этом труде содержится большое количество интересных и ранее неизвестных сведений, что делает его ценным источником по изучению истории Ростовского края XIX – начала XX вв.

Обратимся к биографии автора. Большая часть сведений о ней содержится в материалах следственного дела А.М. Раевского (рис. 1).

Александр Михайлович Раевский родился 18 октября 1900 г.² в г. Ростове-на-Дону, в семье купца³. Известно, что в 1918-1919 гг. он сотрудничал с РКП (б), участвуя в подпольной работе в г. Ростове-на-Дону, занятом на тот момент Белой Армией, за что трижды арестовывался⁴. Свое настоящее имя – Михаил Израилович Левков – он изменил в 1920 г. «на почве разногласия с отцом по поводу революции в России»⁵.

Раевский учился на юридическом факультете Донского университета⁶, с третьего курса которого в январе 1920 г. «перешел на практическую работу»: в 1920-1922 гг. работал секретарем редакции газеты «Коммунист», затем ответственным редактором литературно-агитационного отдела «Дон-Кав-РОСТА»⁷ и Северо-Кавказского отделения Госиздата; в 1922-1925 гг. – преподавателем диамата и истории Гражданской войны в Ростовском рабфаке и партшколе и научным сотрудником на факультете общественных наук Донского университета⁸. В 1921 г. он окончил Донской университет⁹.

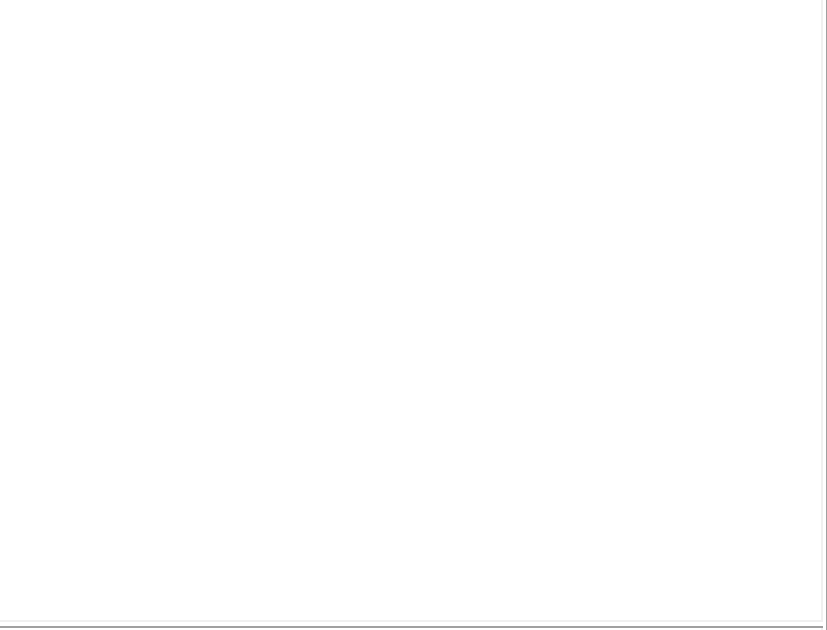

Рис. 1. А.М. Раевский. Фотография из следственного дела 1937 г. (ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-5877. Л. Т. 1. Л. 4а.

В 1922-1923 гг. Раевский примыкал к «Рабочей оппозиции»¹⁰, за что был исключен из ВКП (б)¹¹. Вторично он был принят в партию в феврале 1924 г.¹², однако в декабре того же года был вновь исключен «за моральное разложение»¹³.

Зимой 1925-1926 гг. Раевский работал научным сотрудником Музея Революции в Москве¹⁴.

В 1926-1935 гг. Раевский находился на должности научного сотрудника института им. С. Шаумяна в г. Баку¹⁵, где издал свои работы: «Партия мусават и ее контрреволюционная работа» (1929 г.)¹⁶ и «Большевизм и меньшевизм в Баку в 1904-1905 гг.» (1930 г.)¹⁷. 29 декабря 1934 г. в газете «Правда» была опубликована его статья «Историческое значение Бакинской забастовки»¹⁸. Но в 1935 г. он был исключен из кандидатов в члены ВКП(б) «за протаскивание троцкистских установок» и уехал из Баку¹⁹.

По путевке Наркомпроса Раевский был направлен на работу в Ростовский музей²⁰. 5 октября 1935 г. он был принят в качестве научного сотрудника отдела Истории Общественных Формаций, 1 апреля 1936 г. стал его заведующим; 15 ноября 1936 г. назначен по совместительству научным сотрудником отдела Социалистического строительства²¹. В 1936 г. в «Октябрьском» зале им была создана экспозиция, «где развернуты 3 темы: «Империалистическая война», «Февральская буржуазно-демократическая революция», «Великая пролетарская революция в СССР»... В отделе крепостничества открыт «Каменный мешок»²². Для подготовки экспозиции Раевский посетил ростовский, ярославский и ивановский архивы, в которых выявил «большое количество (250 страниц перепечаток и других материалов) материала по эпохе крепостничества (XVII-XIX вв.) и капитализма. Материал этот подвергнут предварительной обработке и изучению»²³. Собранные источники были использованы им для написания работы «Великая пролетарская революция и борьба ростовских крестьян за землю (1917 г.)», над которой он трудился «во внеслужебное время»²⁴. Известно, что на 1937 г. Раевский запланировал 4 «месячных командировки в Ярославль, Москву и другие города для работы в архивах»²⁵. Однако 22 января 1937 г. ему был объявлен выговор за неподчинение дирекции музея, а 24 февраля 1937 года его уволили «за срыв производственной работы»²⁶.

В феврале 1937 г. Раевский подает секретарю Ростовского районного комитета ВКП (б) Исаеву заявление «о всех политических безобразиях», которые были допущены директором Ростовского музея Н.В. Трофимовым. На основании данного заявления была создана партийная комиссия «по обследованию музея», в результате работы которой Трофимов был исключен из партии²⁷ и арестован НКВД²⁸.

15 ноября 1937 г. Раевский тоже был арестован²⁹. 28 ноября 1937 г. ему было предъявлено обвинение в том, что он «являлся активным организатором в городе Баку контрреволюционной троцкистской террористической организации», после чего Раевский был заключен под стражу в тюрьму г. Ростова, а затем переведен в тюрьму № 1 г. Ярославля³⁰. В Ярославле 26 августа 1938 г. ему было предъявлено следующее обвинение: «с 1929 года являлся активным участником троцкистской террористической организации, существовавшей в г. Баку. По заданию руководителя троцкистской организации СЕФ в 1935 году из Баку в контрреволюционных целях переехал в город Ростов Ярославский, где создал троцкистскую группу. В 1936 году в эту группу лично вовлек бывшего директора Ростовского музея Трофимова и установил связь по антисоветской деятельности в г. Ярославле с троцкистом Кузьминым. Работая научным сотрудником в Ростовском музее, систематически вел троцкистскую пропаганду путем контрреволюционного оформления экспозиций. Посетителям музея умышленно искажал факты истории ВКП (б) и гражданской войны, восхваляя врагов народа ПЯТАКОВА, БУХАРИНА, ТРОЦКОГО, ЗИНОВЬЕВА и других»³¹. Раевский признал себя виновным³², но 14 апреля 1939 г., когда ему было объявлено об окончании следствия, отказался от своих показаний, как данных «под давлением физического насилия»³³.

Согласно приговору от 23 июля 1940 г. Раевский был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет «считая срок с 14 ноября 1937 года»³⁴. 16 ноября 1940 г. он прибыл в Ингашское ОЛП Красноярского края для отбытия наказания³⁵. Известно, что 24 июня 1944 г. Раевскому был снижен срок отбывания наказания на шесть месяцев «за высокие производственные показатели и отличное поведение в быту»³⁶. 14 мая 1945 г. он был

освобожден, но до марта 1946 г. задерживался в лагере, где работал по вольному найму³⁷. Известно, что в 1947 г. Раевский жил в с. Решоты Нижне-Ингашского района Красноярского края³⁸, в 1951 г. – в г. Канске³⁹, где работал токарем на ремонтном заводе⁴⁰.

25 сентября 1951 г. А.М. Раевский был вновь арестован Управлением МГБ Красноярского края по обвинению в том, что он «является участником антисоветской троцкистской террористической группы, по заданию которой занимался враждебной Советскому Союзу деятельностью»⁴¹. На следствии 1951 г. Раевский виновным себя не признал⁴². Тем не менее, согласно приговору⁴³, 14 декабря 1951 г. он был направлен в ссылку на поселение в с. Тасеево⁴⁴ Красноярского края, где работал «сторожем на поскотине»⁴⁵.

8 августа 1956 г. – последняя дата, когда упоминается Раевский. На тот момент он жил в г. Высоковске Московской области, где работал художником в промышленной артели, был женат⁴⁶. Известно, что А.М. Раевский был реабилитирован 19 января 1957 г.⁴⁷

В настоящее время документы, которые могли бы пролить свет на дальнейшую судьбу Раевского, отсутствуют. Тем не менее, мы не оставляем попытки обнаружить новые материалы.

Якорь: #prim

1. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-5877. Т. 3. Л. 20-104.
2. Там же. Т. 1, Л. 4. В «Постановлении об избрании меры пресечения», помещенном в следственном деле 1937 г. указана другая дата рождения – 1901 г. (Т.1. Л. 1.).
Очевидно, она ошибочна, поскольку упоминается только один раз.
3. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-5877. Т.1. Л. 301.
4. Там же. Д. С-2000. Т. 2. Л. 13.
5. Как сообщал сам Раевский, «в 1920 году Донским подпольным комитетом большевистской партии намечен был к переброске для подпольной работы в г. Краснодар. С этой целью мне был заготовлен паспорт на имя Раевского Александра Михайловича. Перед отправкой я заболел тифом, необходимость в отправке подпольщиков отпала, документы же на имя Раевского остались при мне» (Т. 4. Л. 14 об.).
6. В настоящее время – Ростовский государственный университет.
7. «Дон-Кав-РОСТА» – отделение Российского телеграфного агентства в г. Ростове-на-Дону.
8. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-5877. Т. 1. Л. 22.
9. Там же. Т. 4. Л. 14.
10. «Рабочая оппозиция» – течение внутри РКП (б), представители которого по многим пунктам (управление народным хозяйством, роль партии и профсоюзов в государстве и др.) не были согласны с ее программой. Взгляды «Рабочей оппозиции» были осуждены на XI съезде РКП (б) в марте-апреле 1922 г. В дальнейшем их выразителем являлся Л.Д. Троцкий.
11. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-5877. Т. 1. Л. 10.
12. Там же. Т. 3. Л. 116.
13. Там же. Т. 4. Л. 154 об.

14. Там же. Т. 3. Л. 117.
15. Там же. Т. 1. Л. 22.
16. Данная работа упоминается в книге М.М. Мехти-заде «Очерки истории советской школы в Азербайджане (1917-1961)» (1962 г.). См.: Мехти-заде М.М. Очерки истории советской школы в Азербайджане (1917-1961). М., 1962. С. 236.
17. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-5877. Т. 1. Л. 37.
18. Там же. Т. 3. Л. 22.
19. Там же. Т.1. Л.4 об.
20. Там же. Д. С-2000. Т. 1. Л. 12.
21. ГМЗРК. Д. А-235. ЛЛ. 8 об.-9, 28 об., 48 об.
22. Там же. Д. А-1782. Л. 8.
23. Там же. Л. 8.
24. Там же. Л. 8.
25. Там же. Д. А-1788. Л. 3.
26. ГМЗРК. Д. А-1019. ЛЛ. 2 об., 3.
27. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-5877. Т. 1. Л. 270.
28. Там же. Д. С-2000. Т. 1. Л. 1.
29. Там же. Д. С-5877. Т. 1. Л. 4.
30. Там же. Т. 1. Л. 5; Т. 2. Л. 410.
31. Там же. Т. 1. ЛЛ. 6, 7.
32. Там же. Т. 1. Л. 14.
33. Там же. Т. 1. Л. 267.
34. Там же. Т.1. Л.301; Т. 4, Л.2.
35. Там же. Т. 3. Л.162.
36. Там же. Т. 3. Л.167.
37. Там же. Т. 4. Л.16.
38. Там же. Т. 4. ЛЛ. 19, 20.
39. Там же. Т. 4. ЛЛ. 2, 4, 5.
40. На материалах «Постановления на арест» от 8 сентября 1951 г. (Т. 4. Л.2.). В «Анкете арестованного» сам Раевский указывал другое место работы: «текстильный комбинат, рабочий на машинах» (Т. 4. Л. 5).
41. Там же. Т. 4. Л. 25.
42. Там же. Т. 4. Л. 106.
43. Там же. Т. 4. ЛЛ. 25, 28.
44. Интересно, что с. Тасеево как пункт ссылки упоминается в книге А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»: «Туда ссылались немцы, чеченцы, ингуши и бывшие зэки. Это место – не новое, не придуманное, поблизости там – деревня Хандалы, где когда-то перековывали кандалы. Но новое там – целый город из землянок, с полом тоже земляным» (Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991. Т. 3. С. 253.).
45. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-5877. Т. 4. ЛЛ. 28, 35. Поскотина – огороженное пастбище.

46. Там же. Т. 4. Л. 153.

47. См.: Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. Ярославль: издательство «Верхняя Волга», 1997. Т. 4. С. 360.

Приложение

А.М. Раевский

Великая пролетарская революция и борьба Ростовских крестьян за землю (1917 г.)¹

(Л. 20) «Октябрьская революция победила потому, что она сумела отобрать у буржуазии ее крестьянские резервы, она сумела завоевать эти резервы на сторону пролетариата, пролетариат оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионов масс трудового люда города и деревни».

Так писал тов. Сталин в своей статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», подчеркивая, в противовес подлым троцкистским попыткам сфальсифицировать историю Октябрьской социалистической революции, извратив, замазав, одну из важнейших особенностей этой последней. Указанная особенность имела громадное, решающее значение. «Кто не понял этого, – продолжает тов. Сталин, – тот никогда не поймет ни характера Октябрьской революции, ни природы диктатуры пролетариата, ни своеобразия внутренней политики нашей пролетарской власти»х.

Но возможность у пролетариата завоевать на свою сторону крестьянство в великой исторической борьбе рабочего класса против капиталистического строя не была создана только в ходе пролетарской революции в 1917 г. В этот период эта возможность, благодаря исторически обусловленному ходу классовой борьбы, беззаветной решительной борьбе пролетариата, благодаря гениальному руководству вождей большевистской партии Ленина и Сталина превратилась в действительность. Но сама по себе такая возможность родилась ранее, в предыдущий период, когда революционная борьба пролетариата нашей страны против царизма и буржуазии, его роль гегемона, защитника не только своих интересов, но и широких масс крестьянства, приучали крестьянство видеть в нем своего руководителя. «Красной нитью через всю политическую историю России, – писал Ленин, давая характеристику одной из важнейших линий классовой борьбы в царской России, – тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттащить их назад к примирению с капитализмом»хх.

хИ. Сталин. Об Октябрьской революции, стр. 78.

ххЛенин. Собр. соч., XXI, стр. 109-110.

(Л. 21) Само крестьянство не было пассивной силой в этом споре за его «душу». Его революционный союз с пролетариатом складывался на основе борьбы против жесточайшей эксплуатации, насилий, надругательств, осуществляемых полукрепостническим помещичьим классом вкуче и влюбсе с буржуазией под эгидой царизма. Эта эксплуатация сохранялась на всем протяжении романовской «тюрьмы народов», в том числе и в Ростовском уезде Ярославской губернии (ныне районе Ярославской области). Ее предреволюционные формы сложились еще в начале пореформенного периода. Те отношения, которые были установлены царем крепостников-душевноладельцев Александром II при проведении

«освобождения крестьян» в 1861 г., в основном сохранились к 1917 г. Реформа 1861 г. была «шагом вперед в сторону буржуазной монархии» (Ленин), следующим шагом была столыпинская реформа. Но эти «шаги» не сделали царизм буржуазной властью: полукрепостническое землевладение и его коронованная верхушка в лице самодержавного Николая II были уничтожены только в ходе Февральской буржуазно-демократической революции в 1917 г.

Таким образом, картина классовых отношений пореформенной деревни имеет очень большое значение для понимания того, почему и как крестьянство нашей страны пошло за пролетариатом в Великой Октябрьской социалистической революции. «Октябрьская революция имела несомненную поддержку крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждущих мира и земли» (Сталин). Ленин писал, что «1861 породил 1905» и что «1905 год был генеральной репетицией Октября». От 1861 г., таким образом, нити протягиваются к величайшей эпохе нашей страны и всего мира – к Великой пролетарской революции СССР в 1917 г.

1.

Как же складывались эти отношения в Ростовском уезде, на этом небольшом участке того плацдарма классовой борьбы, который представляла царская Россия.

(Л. 22) Основную канву отношений помещиков и крестьян во второй половине XIX в. создала крестьянская реформа 1861 г. Дав толчок проникновению капиталистических отношений в деревню, она в то же самое время создала условия для сохранения полукрепостнических отношений. Это сразу почувствовали и крестьяне и помещики. В записке жандармского офицера Лобановского шефу жандармов от 12 марта 1861 г. прямо сообщалось по поводу настроений среди ростовского крестьянства, что «не было заметно между крестьянским сословием ни малейшей манифестации радости по случаю дарования им новых прав, обеспечивающих будущее их благосостояние»х. Напротив того, дворянство было довольно. Почти одновременно (от 16 марта) в донесении другого жандарма, капитана Чалеева, читаем, «что сколько можно заметить... манифест был встречен почти всем дворянством Ярославской губернии с душевной радостью»хх. Еще бы.

Ростовские крестьяне, боровшиеся против крепостнических порядков, не хотели принимать реформу, во многом сохраняющую эти же порядки. В имении князя Голицына, помещиков Вечеслова, Филатьевой, Бабкина, Силифонтова и др. произошли столкновения. Крестьяне отказывались принимать царское «уложение». Против крестьян были открыты форменные военные действия присланным царем генералом Дубельтом с участием «Ростовского гренадерского принца Фридриха Недеerlandского полка». Аресты, порка, принудительный разорительный военный постой, – все было пущено в ход, чтобы заставить крестьян смириться. Какие силы

хЦитирую по статье Н. Работнова. Тайны Ярославского застенка («Ярославская старина», в. 1, 1924 г.), стр. 69. Документы Ярославского жандармского управления сгорели через несколько месяцев после Февральской революции. Таким образом, статья Работнова, использовавшего эти документы, является единственным источником, по которому можно с ними ознакомиться.

ххТам же, стр.

(Л. 23) применял царь-«освободитель» для насильственного введения «освобождения», видно из того, что, например, в имение князя Голицына были посланы две роты гренадеров, прибытие которых, по жандармским сообщениям, «имело спасительное действие как на это имение, так и на прочие места Ростовского уезда где недоразумения и упорства начали более и более распространяться»х.

Крестьян, в конце концов, заставили принять помещичьи условия «освобождения». Корни крестьянского сопротивления лежали в этих тягчайших условиях, на основе которых происходила реформа.

Ростовский уезд, как и вся Ярославская губерния, входил в состав нечерноземных губерний России, являлся районом с сильным проникновением капиталистических отношений в земледелии. Однако, и здесь, хотя «барщинная система была надорвана отменой крепостного права»^{хх}, далеко не исчезла. Правда эксплуатация крепостных крестьян до 1861 г. носила по преимуществу оброчную форму, чему как раз способствовало сильно отходничество, весьма развитое в уезде. Ростовские помещики при проведении реформы были потому заинтересованы не сколько в больших отрезках земли от крестьян, сколько в том, чтобы сохранить те большие платежи, которые в виде оброка платили им крестьяне в дореформенную эпоху. Основная задача заключалась, таким образом, в том, чтобы использовать для этой цели передачу крестьянам крестьянских же наделов, которые, как известно, фигурировали в деревне в качестве помещичьей земли, передаваемой крестьянам за выкупные платежи. Этим объясняется тот факт, что если в среднем по России так называемые отрезки составляли почти 1/5 всей крестьянской земли (18 %), то в Ростовском уезде они

хТам же, стр. 71.

ххЛенин. Собр. соч., т. III, стр. 141.

(Л. 24) были гораздо ниже.

Если часть помещиков Ростовского уезда использовала полученные ими капитализированные выкупные платежи для перевода своего хозяйства на капиталистические рельсы, то, во 1-х, это делалось постепенно, с длительным сохранением старых методов эксплуатации. Эксплуатируя, прежде всего, самое личное крепостных, помещики в северных, нечерноземных губерниях не стремились проводить в жизнь реформу в своих имениях. Используя тут пункт «Положения», согласно которому ликвидация крепостных отношений в отдельных имениях обязательна для крестьян, но не для помещиков, последние затянули на десятилетия эту ликвидацию даже в формальном отношении. Так по официальным данным, опубликованным в «Правительственном Вестнике», на 1 января 1871 г. по Ярославской губернии 137 305 душ крестьян прекратило «временно обещанные» отношения, а 50 021 крестьян, т.е. 26,7 % осталось временно обязанными, т.е. теми же крепостными. И это через 15 лет после «великой реформы».

Во 2-х значительная часть помещичьих хозяйств вообще стремилась сохранить прежние отношения, только их приспособив к изменившейся обстановке. «Капиталистическое хозяйство, – писал об этом процессе Ленин, – не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, соединяющая в себе черты и барщинной и капиталистической системы»^{хх}. Сохранение барщинной системы достигалось при помощи проведения системы отрезков. Отрезывались главным образом пастбища и леса (последние были нужны крестьянам, во 1-х как таковые для топлива и строительных материалов, во 2-х как добавочные пастбища). «В селе (Вощажникове) и поныне, – пишет, например, А. Титов о крупнейшем помещике Ростовского уезда графе Шереметьеве, -

х«Ярославские губернские ведомости», № 13 за 1876 г.

ххТам же.

(Л. 25) графская усадьба с значительным количеством земли по большей части занятой лесами и покосами, отошедшей от наделов после освобождения крестьян от крепостной зависимости»^{хх}.

Как искусственно помещики отрезали как раз те земли, которые примыкали к селениям, видно на примере деревни Горы Сипягиной. Земля помещицы, облежавшая деревню, находилась у околицы – в 5-10 сажнях, а земля крестьянам была отведена в отдалении – в 5 и 10 верстах.

Вот другой типичный состав надельной земельной площади, получившийся в результате такого «наделения» землей крестьян. Селение Чурилово Щадневской волости имело 4873/4 дес[ятин] надельной земли, из них: 1) вблизи селения участок в 257 десятин пахотной земли, 2) 18 десятин в 6 верстах, 3) 105 дес[ятин] в 4-х верстах, 4) 128 десятин – болото, на котором не растет даже корм скотухх. Окруженное со всех сторон чрезполосной землей других селений и помещиков, селение Чурилово не имело даже проезда к купчей земле, которой оно владело, испытывало от этого тысячи затруднений.

Корни позднейшей крестьянской борьбы за лес восходят к реформе 1861 г., когда крестьяне были лишены леса. Недаром еще тогда жандарм Лобановский писал своему «шефу», что «при введении в действие уставных грамот могут произойти новые затруднения в соглашении крестьян, в особенности в тех местностях,

хА. Титов. Село Воцажниково и воцажниковская вотчина в старинном Запурском стану Ростовского уезда, стр. Воцажниковская волость была подарена Петром I в 1706 г. Борису Петровичу Шереметьеву за его заслуги в Шведской войне.

хИвановский областной партийный архив, фонд Ярославского истпарта, папка 17 (Ростов) нenumerованная.

(Л. 26) где лесные дачи, как предмет особой важности в лесном хозяйстве помещиков, на основании Положения не входя в состав крестьянских наделов, будут исключены из оных»х.

Отрезки эти использовались помещиками для сохранения полукрепостнических отношений. Крестьян, вынужденных снимать в аренду их же бывшую землю, вынуждали выплачивать арендную плату не деньгами, а отработками, которые Ленин характеризовал как пережитки крепостничества. «Как известно, – писал он в «Проекте программы нашей партии», – крестьянская аренда в России очень часто прикрывала лишь пережитки барщинных отношений»хх.

Кабальный характер отработок особенно рельефно выступает при рассмотрении конкретного материала. Крестьяне деревни Губино Березниковской волости, получив по реформе ничтожный луг, были вынуждены арендовать пастбища у помещиков Васильевых. Плата за пользование лугами производилась отработками. 13 дворов, из которых состояла эта деревня (из них три совершенно безземельных), должны были: 1) разбить весь навоз из под скота, 2) посадить весь картофель, 3) выставить 18 косцов на день с 3-х часов утра до 9 час[ов] вечера, 4) выставить 13 косцов с 3-х часов утра до 1 часу дня, 5) по два человека с каждого черед на 1 день сушить сено, грести, возить и т. д., 6) выжать 6 десятин ржи и скласть в копны, 7) выкопать весь картофель. Как писали в одном документе «бывшие рабы помещицы Анны Федоровны Васильевой», «себе почти работать не приходилось, все лето работали на Васильеву»ххх. Выгодность отработок была столь

хРаботнов, цитированная работа, стр. 72.

ххЛенин. Собр. соч., т. II, стр. 525.

хххРостовский райархив. Фонд Ростовского уездного Земельного Комитета (в дальнейшем РУЗК) по Березниковской волости, № 35, л. 3.

(Л. 27) велика, что их вводили и купцы, скупавшие помещичьи имения. На этих основаниях арендовали у известных ростовских лесовладельцев Молодяшиных крестьяне Лазарцево-Скоропейного сельского общества. Несмотря на настояние крестьян, Молодяшины отказывались устанавливать денежную арендную плату и требовали отработок: крестьяне были вынуждены пахать яровую пашню, возить навоз со скотного двора, пахать пары и

озимые хлеба, косить луга, жать рожь и овесх. Таким образом, устанавливалась «вторая барщина», как определяли положение сами крестьяне. Налицо была «фактическая барщинная зависимость, созданная отрезками крестьянской земли в 1861 г.»хх.

Чтобы еще более закабалить окрестное крестьянство, ростовские помещики отрезали себе прогоны для скота, обладание которыми ставило крестьян в полную зависимость от помещиков. Упомянутый Молодяшин «всю свою землю окопал канавой и никакого проезда нет»ххх. В деревне Конюково Карашской волости при размежевании по уставным грамотам 1862 г. земля крестьянам была отведена за 2 версты от жилищ, а все селение было окружено помещичьей землей, которая включала все проездыххх. В деревне Андреевской той же Карашской волости крестьяне были вынуждены ежегодно нанимать у землевладельца Зубкова по очень высокой цене в 100 рублей участок под выпас только потому, что иначе «нам невозможен прогон скота»хххх. У крестьян села Скнятинова Перовской волости помещики Кайдалов и Артемьева отре-

хДело РУЗК по Щадневской волости, № 26, л. 8.

ххЛенин. Собр. соч., т. II, стр. 524.

хххДело РУЗК по Щадневской волости, № 26, л. 8.

ххххДело РУЗК по Карашской волости, № 29, л. 4. Следует отметить, что у крестьян этой деревни для такого кабального окружения было отрезано 27 1/2 дес[ятин] из 80, т.е. 34 %.

хххххТам же, л. 20.

(Л. 28)зали по реформе проезды, которые использовались в дальнейшем для закабаления крестьянх.

Таким образом, для характеристики действительных пореформенных отношений крестьянского и помещичьего хозяйства в Ростовском уезде имеет большое значение не только чисто количественное распределение земли, но и их распределение по качеству. В этом отношении ростовские помещики сделали все возможное, чтобы сосредоточить в своих руках как раз те угодья, без которых крестьянское хозяйство было обречено на паралич. Помещики тщательно сохраняли и укрепляли эту ключевую позицию, дабы сохранить систему полукрепостнической эксплуатации.

Последняя тем более имела прочные корни, что ростовское крестьянство страдало от малоземелья, выйдя из крепостной зависимости с резко недостаточным размером наделных земель. По подсчетам 1879 г. ростовские крестьяне имели всего 4,618 дес[ятин] пахотной земли на хозяйство, или 1,831 дес[ятин] на душу. Из 22-х волостей 9 имели ниже этого уровня, 6 менее 4 десятин на хозяйство и 4 менее 3 десятинхх. Но это средние цифры. Даже наделная земля в дальнейшем неравномерно распределялась среди различных классовых групп крестьянства. Это отметил В. И. Ленин, который писал о Ростовском уезде середины 90-х гг.: «Несмотря на общину, неравномерность землепользования, например, в селе Поречье очень велика: у одного на 4 души – 7 «огородов», у другого на 3 души – 17: объясняется это тем, что коренных переделов здесь не бывает, бывают только частные переделы, при чем крестьяне «свободно меняются» своими «огородами» и «делками»ххх.

хДело РУЗК по Перовской волости, № 21, л. 1 об.

ххА. Титов. Сведения о скотоводстве по Ростовскому уезду. Ярославль, 1880.

хххЛенин. Собр. соч., т. III, стр. 233.

(Л. 29) Малоземелье усугублялось тем, крестьяне при размежевании с помещиками получали в надел худшие земли, оттеснялись «на песочки». Крестьяне деревни Арсеново так

характеризовали свои наделные земли: «Малоземелье, грунт или-каменистый, требующий ежегодно полного удобрения и сверхлучшего урожая недающая годового пропитания»х.

Но удобрять-то было нечем эту землю, требующую обильного ежегодного удобрения. Животноводство – основной источник удобрения – находилось в крестьянском секторе на крайне низком уровне. Его развитие упиралось как раз в недостаток крестьянских покосов. «Плохие урожаи хлебов, – пишет Титов, – происходят...главным образом...от недостатка удобрения, от малого количества содержимого скота и недостатка покосов и пастбищ»хх. Если поставить причины, перечисленные Титовым, сознательно смазывающего классовый характер этих явлений, в обратном порядке по месту и значению, то мы получим действительное объяснение: отрезки покосов и пастбищ в пользу помещиков надорвали крестьянское скотоводство, в результате чего количество навоза ни в коей мере не соответствовало потребностям в удобрении плохой крестьянской землиххх, выделенной помещиками в наделы. Отсюда крайне низкие урожаи, не могущие прокормить не только крестьянскую бедноту, но и середняцкое крестьянство. Интересно при этом отметить, что урожаи на помещичьих полях, лучших по качеству и лучше обрабатываемых и удобряемых, значительно выше, чем у крестьян. По данным 1863 г. на помещичьих полях озимые хлеба дали сам четыре, яровые – тоже сам четыре и картофель – сам три; на крестьянских же полях при тех же метеорологических ус-

хДело РУЗК по Карашской волости, № 29, л. 6.

ххА.А. Титов. Статистико-экономическое описание Ростовского уезда Ярославской губернии. СПб, 1885 г., стр. 11-12.

хххСам Титов считает, что у крестьян было всего 1/3 необходимого удобрения.

(Л. 30)ловиях урожай соответственно равнялся для озимых и яровых хлебов сам-два с половиной и только для картофеля сам-трих.

Неудивительно, что уровень жизни подавляющего большинства крестьян был чрезвычайно низок. Вот так характеризует его в 80-ых гг. учительница сельской школы. Говоря о крестьянах села Краснораменья Ростовского уезда, она пишет: «Собранного хлеба достает только для прокормления семьи (как известно, во многих деревнях его не хватало, особенно у бедноты. – А.Р.); немного только выручают от продажи льна и овса. Одеваются местные крестьяне в домотканые рубашки и сарафаны; ситцевые рубашки и платья носят только по праздникам так же, как и кожаные сапоги... Питаются вообще плохо, чай пьют только по воскресеньям». Либерально-наивно не проникая в суть вещей, автор нечаянно вскрывает далее одну из причин такой нищеты, заявляя: «Воровство в Краснораменье обыкновенная вещь: съездить за дровами в чужой лес, привезти домой и топить ими – это дело самое заурядное...»хх За этим «самым заурядным делом» скрывалась трагедия крестьянства, обобранного при проведении реформы 1861 г. и окружению со всех сторон лесом помещиков и купцов, закабалявших окрестное крестьянство.

Поскольку с интересами крестьянства не считались при отмежевании земель, постольку очень часто земля выделялась очень далеко от поселений. Например, крестьяне деревни Селище Зверинцевской волости имели наделную землю в двух участках, отстоящих от деревни на 12 верстххх. У крестьян деревни Горы Сипягиной Березниковской волости земля находилась в 10 верстах. Очень часто ближайшая земля принадлежала церквям, в то время как крестьяне должны были тратить по несколько часов на одни пере-

х«Ярославские губ. ведомости» за 1864 г., № 21. Почти полный комплект этой части, начиная с 1831 г., имеется в Яросл[авском] областном архиве.

ххАгрикоменская. Село Краснораменья Ростовс[кого] у[езда].

хххИвановский Облпартархив. Фонд Ярославского истпарта, дело 17 (Ростов).

(Л. 31)езды на пашню и обратно. Бич дальнего земья обрушивался на крестьян не только в связи с надельными землями. Настолько крестьяне были «покосов лугов стеснены до бесконечности», что арендовали их вне зависимости от расстояния. Так крестьяне упомянутой деревни Арсеновой были вынуждены арендовать луга у помещиков соседней Владимирской губернии за 35 верстхх.

Какое громадное значение имел недостаток лугов и покосов, а, следовательно, и вытекающий отсюда упадок скотоводства и резкая нехватка удобрения в крестьянском хозяйстве, показывает замечание корреспондента Ярославского земства, писавшего: «Два поля рядом – помещичье и крестьянское, возделываемое одними и теми же крестьянскими руками, но удобренные и засеянные разно...дают урожаи до невероятности различные – в первом родится в 5, 6 и более раз, чем во втором» (в тексте ошибочно «в старом»)ххх.

Понятно, что в результате таких условий крестьяне вынуждались соглашаться на любые требования помещиков.

Как выше было показано, это способствовало сохранению полукрепостнических пережитков в виде отработочной системы, которая сохранилась вплоть до Октябрьской социалистической революции. Но и там, где от отработочной аренды помещики переходили к денежной аренде, последняя была очень тяжела для крестьян. Вдобавок, высота денежной арендной платы по мере обострения земельного голода постоянно повышалась вплоть до ликвидации по-

хВообще церковные земельные владения в Ростовском уезде были весьма обширны. Одни церкви в Ростове и Ростовском уезде, не считая других «духовных» владельцев, имели к моменту реформы около 6 600 дес[ятин] земли, при помощи которой попы эксплуатировали своих «духовных чад». См. А. Крылов. Историко-статистич[еский] обзор Ростовско-Ярославской епархии. Ярославль, 1860 г., стр. 202-291.

ххДело РУЗК по Карашской волости, № 29, лист 6.

хххОбзор Ярославской губ[ернии], вып. II. Отхожие промыслы крестьян. Ярославль, 1896 г., стр. 196.

(Л. 32)мещичьего землевладения в нашей стране. Ярким примером может служить ростовско-ярославский архиерейский дом, бывший одним из значительных местных помещиков. Сдавая свою землю в аренду крестьянам села Вексиц Воржской волости, он регулярно повышал арендную плату в течение 50 лет, поднимая ее с 200 рублей за участок до 660 рублейх. Крестьяне села Скнятинова Перовской волости арендовали землю помещика Шашкова в течении 30 лет и помещицы Артемьевой в течении 50 лет. Они уплатили им одной арендной платы 20 000 рублей, т. е. сумму, во много раз превышаемую цену тех 62 десятин, которые крестьяне арендовалихх. Денежная арендная плата являлась результатом и проявлением капиталистических отношений и была шагом вперед по сравнению с отработками. Но ее высота определялась в значительной мере наличием тех же отрезков, крестьянским малоземельем, концентрацией у помещиков лугов и покосов, т.е. сохранением тех же полукрепостнических элементов.

Ленин, описывая проникновение капиталистических отношений и разложение крестьянства на основе ряда торгового земледелия в районе льноводства, писал: «Громадной задержкой этого последнего процесса являются, несомненно, разорительно высокие арендные цены на землю,